

АЖО
БЕВЕРЛИ

*Сражение
под запретом*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

Глава 1

В продуваемой неряшливой столовой Гроув-Хаус в Сассексе завтракали трое. Дородные братья Олбрайт шумно поглощали редкое на их столе мясо, запивая его портером. Их сестра, Серена Ривертон, закутавшись в огромную шаль, отщипывала хлеб маленькими кусочками и запивала чаем, уткнувшись в книгу стихов.

Вилл Олбрайт невидящим взглядом уставился в пространство, машинально жуя и глотая пищу, а Том что-то бормотал себе под нос, просматривая почту.

— Кредиторы, кредиторы, кредиторы...

— А-а, вот это уже лучше!

Он вскрыл конверт и начал жадно читать.

— Наконец-то! Эй, Серри, Самуэль Сил хочет жениться на тебе!

Сестра подняла голову, и на ее прекрасном лице отразилось недоумение.

— Что-о-о?

Побледнев, она встала, резко отодвинув стул.

— Ну уж нет, Том! Никогда! Я ни за что не выйду снова замуж

— Да ну? — удивился брат, набивая рот. — И что же ты собираешься делать, а, сестренка? Торговать собой на улице?

Серена Ривертон отчаянно замотала головой, не на шутку испуганная таким поворотом событий.

— Я смогу жить на деньги, которые мне оставил Мэтью.

Ее младший брат Вилл, довольно простоватый малый, повернулся и уставился на нее:

— Но их уже нет, Серри.

Он, казалось, немало удивился, что она этого не знает. И даже почти сочувствовал ей. Но Серена уже не обманывалась — она достаточно хорошо знала братьев, чтобы понять, что сочувствием здесь и не пахнет. За всю свою эгоистичную жизнь они никогда не жалели о совершенной подлости, если только она не создавала проблем для них лично.

Оба выглядели как типичные англичане, этакие Джоны Були — большие, крепко сбитые, краснолицые мужчины в затрапезной деревенской одежде. Правда, у них не было солидного состояния, как положено настоящему Джону Булю.

Взглянув на онемевшую от ужаса сестру, Вилл сунул в рот последний кусок хлеба и прошел к камину. Заслонив собой исходящий от камина слабенький поток тепла, он вытащил гинею и начал подбрасывать ее.

Серена как завороченная смотрела на поблескивавшую в воздухе монету и пыталась осмыслить услышанное.

— Денег уже нет? — потрясенно повторила она. — Но как это могло случиться? Мой муж умер всего три месяца назад. Куда они подевались?

К чему задавать вопросы, на которые сама знаешь ответ. Куда подевались? Да туда же, куда уходили все деньги из этого проклятого разрушающегося дома: на игру в карты, в кости и на бега, и не только лошадиные, но — Господи, помоги! — даже на тараканьи! Все, на что можно было заключать пари и делать ставки, влекло братьев, словно пчел на мед.

Серена отвела глаза от монеты Вилла и гневно посмотрела на Тома.

— Вы попросту обворовали меня!

Он подцепил вилкой очередной кусок мяса.

— Никак, ты собираешься напустить на меня сыщиков?

Да, Серри? Ну и чего ты этим добьешься? Разве из камня выжмешь кровь?

«Камни, — загнуто подумала Серена. — Вы и есть камни. Бездушные, бессердечные и такие же тупые».

— Ты бы все равно на них не прожила, — миролюбиво заметил Вилл.

Бросок, поворот монеты в воздухе, поймана. Бросок, поворот, поймана...

— Что такое три тысячи? Так, пустяк, сущая мелочь.

Том что-то пробурчал в поддержку младшего брата.

— Кто же мог подумать, что Ривертон так быстро промотает все свое состояние? Мы-то полагали, что ты осталась богатой вдовушкой, Серри, иначе мы бы так не настаивали на твоём возвращении домой. А три тысячи тебе даже на платье не хватило бы.

Сощурившись, он смерил взглядом её весьма дорогое платье из красно-коричневого сукна.

Оно было скроено очень хитроумно, по специальному заказу, так, чтобы выставить все достоинства фигуры на показ. Серена прекрасно знала об этом, но совершенно не ожидала, что так нагло и оценивающе её будет рассматривать родной брат.

Женщина лишь ещё плотнее закуталась в шаль, защищаясь от этого взгляда.

— Мне бы этого очень даже хватило, — с горечью проговорила она сквозь зубы. — Вам никогда не понять, дорогие братья, что можно вполне прилично жить даже на проценты от трех тысяч фунтов.

— Какая тоска, — миролюбиво сказал Вилл, не замечая её едкого тона. — Тебе бы это вряд ли понравилось, Серри.

Серена шагнула вперед и перехватила вращавшуюся в воздухе монету.

— Ошибаешься, Вилл.

Она повернулась ко второму брату.

— Верни мне мои деньги, Том. В противном случае я подам на тебя в суд.

Том Олбрайт громко расхохотался, брызгая слюной.

— Чтобы обратиться в суд, нужны деньги, Серри, и даже если ты выиграешь дело, пройдут годы,

пока все будет улажено и подписано. Вряд ли тебе удастся прожить все это время на гинею Вилла.

— Эта монета только начало.

Серена крепко зажала монетку в кулаке, но Вилл схватил ее за руку и больно сжал.

— Это мой талисман, сестренка, моя монета на счастье! — Серена сопротивлялась, но брат грубо выкрутил ей руку. Она вскрикнула и разжала кулак.

Со слезами на глазах женщина отпрянула назад, потирая ноющее от боли запястье. Братья в очередной раз напомнили о своей жестокости. Серене было всего пятнадцать, когда пришлось покинуть родительский дом; она уже успела забыть все их пакостные выходки, но сейчас все вспомнила. С чего это ей пришло в голову, что теперь, когда она стала взрослой женщиной, они изменятся? Горбатого только могила исправит.

Том заметил ее страх, и в его взгляде блеснуло удовлетворение.

— Может быть, Сил защитит твои права, Серри.

Она в упор посмотрела на него.

— Вам не удастся навязать мне еще одно замужество, тем более с этим ничтожеством Самуэлем Силом.

— Он тебе не нравится? — Том был искренне удивлен. — Вовсе не дурно выглядит для своего возраста. И богат как Крез. У него же столько рудников! А я-то думал, что ты предпочитаешь мужчин постарше, как твой первый муж. Ты всегда казалась довольной своим браком.

— Довольной? — тихо повторила Серена, поражаясь степени непонимания между родными людьми.

— Ну и ладненько, — сказал Том. — Подождем других предложений.

— Подождешь?

Серена даже изумилась, что выиграла словесную схватку, но опомнилась и тут же постаралась уточнить услышанное:

— Предложений? Каких еще предложений?

Том ткнул пальцем в раскрытое письмо на столе перед его тарелкой.

— Сил предлагает десять тысяч. Довольно милая сумма, не так ли? Отец выторговал тридцать за первый брак, но нам такое не повернуть, ведь ты уже не девственница.

— Тридцать тысяч фунтов?! — Серена была близка к истерике. — Отец продал меня Мэтью Ривертону за тридцать тысяч фунтов?

— Гиней, — уточнил Вилл, и в воздухе снова замелькала его монетка.

— Как раз вовремя, чтобы вытащить нас из долговой тюрьмы. А ты не знала? Конечно, тебе ведь было всего пятнадцать. Глупая дрожащая малышка.

Серена прикрыла глаза рукой и подавила рвущийся из груди крик. Глупая дрожащая малышка. Что ж, она давным-давно поняла, какую глупость сделала, будучи наивной пятнадцатилетней девчушкой. Тогда она беспечно согласилась на замужество, думая лишь о новых нарядах и возбуждаясь при мысли о перьях на шляпке и о том, что первой из школьных подруг выходила замуж.

Но быть проданной...

За тридцать тысяч фунтов. Ах нет, гиней. Неудивительно, что Мэтью приходил в ярость, когда она поначалу отказывалась потакать его прихотям...

— Давай смотреть правде в глаза, — произнес Том. — Хватай Сила, пока он еще предлагает себя. Мы снова по уши в долгах, а ты вовсе не такой уж ценный приз, если подумать трезво. Правда, внешность у тебя все еще что надо, но ты ведь уже не девица, так что не до капризов. Большинству мужчин нужны жены с приданым. И они должны уметь рожать детей. У тебя нет первого и никакой надежды на второе.

— У меня было три тысячи фунтов, — горько сказала женщина, но доконало ее замечание о детях.

Не способна к деторождению. Такая вот злая участь. Как если бы это было вчера, Серена припомнила доктора, вынесшего этот приговор, словно судья. И вспомнила, как бушевал Мэтью:

— Пустышка! Какая, к дьяволу, польза от жены, если она не способна родить наследника? Особенно если работа в постели не доставляет ей удовольствия!

Отношение мужа к Серене изменилось именно с этой минуты. В первые годы брака он был просто груб и плевать хотел на ее чувства. Но после вердикта доктора Мэтью стал требовать от нее таких утех, которые выходили далеко за рамки супружеского долга.

Если бы Серене дано было забеременеть и родить, то она могла бы снова выйти замуж: дети — такая радость! Но поскольку это ей не было суждено, нечего и думать о подобной узаконенной связи.

Но если нет ни пенни, то что остается?

Что же ей делать?

Перво-наперво следует немедленно покинуть комнату, чтобы не доставить братьям удовольствия увидеть ее слезы.

Серена повернулась к двери, проговорив:

— Мой ответ все равно будет «нет». Так что, Том, можешь приостановить свой аукцион по продаже рабыни.

Несмотря на крупное сложение и вес, Том был скор на ногу. Он вскочил и оказался у двери раньше Серены, успев захлопнуть мясистой рукой дверь прямо перед носом сестры.

— А тебя никто и не спрашивает, Серри. Тебя просто поставили в известность.

Его заплывшие жиром глаза злорадно вперились в сестру.

Серене захотелось ударить его, выцарапать его пороссячьи глазки, но она была маленькая и слабая, а ее братья — большие и жестокие.

— Не имеешь права! — Серена все же нашла в себе силы запротестовать. — Мне уже не пятнадцать лет, Том. Мне уже двадцать три, и я сама решу, как мне жить!

— Не болтай глупостей.

— Это ты несешь чепуху! Не те времена, чтобы доставлять невесту к алтарю связанной. А по доброй воле я за него не пойду.

— Не болтай глупостей, — спокойно повторил Том. — А если заупрямишься, то я без зазрения совести продам тебя в бордель. Получу хотя бы пятьсот фунтов, с паршивой овцы хоть шерсти клок!

Серена в ужасе отшатнулась, понимая, что он не шутит, а говорит чистую правду.

С издевкой, пародируя галантные манеры, он открыл ей дверь.

— Я сообщу тебе, как только появится новое предложение.

Серена молча прошла мимо брата, и массивная дубовая дверь тяжело захлопнулась за ней. Она услышала, как братья довольно захохотали.

Женщина бегом поднялась в свою комнату. Дрожащая, вечно дрожащая от страха. Слова звенели и отдавались эхом у нее в голове. Серена вспомнила о восьми годах замужества — годах рабства и ужаса, унижения и безнадежности. Она-то думала, что чему-то научилась, стала мудрее. А на самом деле? Снова дрожит от страха.

Как же Серена была преступно счастлива, у нее просто камень с души свалился, когда Том прибыл с вестью о смерти мужа. И она даже не удосужилась выкроить минутку и хорошенько подумать. Серена просто собрала свои пожитки и немедленно возвратилась с Томом в родительское гнездо. И ни на миг не задумалась о последствиях. Ее даже не тронуло, что Мэтью прокутил почти все состояние.

Какое ей было дело до денег?

Она ведь стала свободной!!!

Мэтью никогда больше не войдет в Стоукли-Мэнор, их общий дом, и не потребует от нее, чтобы она играла перед ним роль проститутки. Он никогда больше не избьет ее кнутом за отказ выполнять непристойные просьбы и прихоти.

Серена была свободна.

А теперь она мерит шагами холодную комнату и в отчаянии заламывает руки, пытаясь решить, что же делать. Она не позволит покуситься на свою выстраданную долгожданную свободу.

Самуэль Сил. Серена в ужасе закрыла глаза. Еще один негодяй, копия ее умершего мужа. Огромный, грубый мужлан, лет за пятьдесят, погрязший в распутстве. К тому же болен, кажется, сифилисом. По крайней мере у Мэтью не было хотя бы этой мерзости.

Серена прекратила бессмысленное нервное хождение и схватилась за спинку кровати, взывая к своему здравому-слию. Необходимо срочно что-то предпринять.

Что?

Бежать.

Да-да, конечно, надо скорее бежать отсюда. Куда глаза глядят.

Но все же куда?

Голова у Серены раскалывалась от напряженных поисков кого-то, кто мог бы приютить ее хотя бы на время. Но все было бесполезно.

Оставшиеся родственники не смогут защитить Серену от братьев. Все годы брака муж держал ее фактически пленницей в Стоукли-Мэнор в Линкольншире. Он запрещал ей малейшие попытки общения с друзьями или местной знатью. Правда, следует признать, что ни один из этих благородных людей и не принял бы никого из их дома. Нет, помощи ждать неоткуда.

Серена задумалась о школьных годах, перебирая бывших подруг, вдруг кто-то захочет ей помочь. Безуспешно. Ну, хотя бы мысленно она вернулась во времена невинности и беспечности — прекрасные школьные годы.

Мисс Мэллори.

Серена обучалась в школе мисс Мэллори в Чел-тенхеме. И прямо оттуда ее увезли на свадьбу. Маленькая школа оказалась последним прибежищем, где Серена была в безопасности и пережила столько безобидных радостей.

Она припомнила мисс Эмму Мэллори, чопорную, но добросердечную аристократку, рьяную защитницу женских прав. Наверняка мисс Мэллори не откажется помочь Серене, если только ей удастся добраться до нее.

А от Сассекса до Глосестершира путь не близкий.

Деньги. Ей понадобятся деньги.

Поиски в комнате позволили обнаружить два фунта, одну гинею и несколько мелких монет. Этого не хватит. Где же еще поискать?

Даже будучи по уши в долгах, братья бросали монеты

10 где попало. Надо найти их.

Так, теперь платья.

Серена начала было собирать ридикуль, но вскоре сообразила, что ей просто не позволят выйти из дома с чем-либо внушительным. Это мгновенно вызовет подозрения. Женщина снова распаковала вещи и развесила их в шкафу. Наверно, ужасно бежать лишь в том, что на тебе надето, но, по правде говоря, она будет только рада избавиться от своего гардероба.

Каждый шов, каждый стежок, каждое платье было выбрано собственноручно Мэтью в Лондоне и прислано в Стоукли-Мэнор, когда на него находила такая блажь. Все платья были высшего качества, но скроены так, чтобы не скрыть как можно больше, а выставить на всеобщее обозрение.

Серена посмотрела в зеркало и приспустила шаль. Почему обычное красно-коричневое суконное платье выглядело столь... сексуально? Но все обстояло именно так. Корсаж скроен и сшит так, что подчеркивал ее пышную грудь. А мягкий материал полуоблегающей юбки четко обрисовывал ее бедра. Но хуже всего были духи.

Все платья оказались пропитаны ими до того, как Серена их получила, а ее служанка-тюремщица продолжала поддерживать этот отвратительный запах. Серена не знала, из каких компонентов состояли эти духи, но ничего общего с цветами они не имели. Это был аромат проституток. Серена знала это наверняка, потому что Мэтью доставляло злорадное удовольствие видеть, как этот запах доводит его нежную жену до неистовства.

После смерти Мэтью Серене удалось выстирать кое-что и почти избавиться от назойливого запаха у простых льняных и муслиновых платьев. Но из более плотных материалов запах не выветривался, а постирать их — означало окончательно испортить. А ведь пока братья не получили на руки ее наследство, купить новые платья было не на что.

«Какое наследство?» — тотчас спохватилась женщина.

С болью она вспомнила, что наследства уже и в помине нет.

Серена всерьез подумывала бежать из этого дома в одном из муслиновых платьев. Но поздней осенью

это будет равносильно самоубийству. Она решительно ска- тала в тонкую трубочку немного нижнего белья и сунула в ридикюль. Наверняка ридикюль ни у кого не вызовет по- дозрений и не бросится в глаза.

Драгоценности! Мэтью подарил ей много разных укра- шений, хотя и они стали жертвой его испорченного и извра- щенного вкуса. Серену передернуло при воспоминании об их форме, о грубых орнаментах. Все равно украшения мож- но будет продать. И потом они были ее собственностью!

Женщина в панике стисну ла руки, вспомнив, что не знает, где украшения находятся. Просто до сих пор ей и думать о них не хотелось, но теперь они могли означать ее выживание.

Может быть, в комнате Тома?

Серена внезапно заспешила в страхе, что братья могут ведь и возвратиться, чтобы насильно поволочь ее на неже- ланную свадьбу. Или могут сообразить, что она попытает- ся бежать. Серена схватила свою драгоценную накидку из камлота, отороченную сободем, благодарная хотя бы за то, что она была теплой.

И снова услужливая память оживила перед ее мыслен- ным взором картину. Мэтью страшно забавляло выходить с ней в сад на прогулку, не разрешая ничего надевать под накидку. Шелковый мех щекотал голую кожу, лицо ее обычно пылало от стыда, а он в это время давал указания невозмутимому и молчаливому слуге.

Впрочем, это одно из самых невинных издевательств.

Женщина с трудом прогнала от себя мрачные воспоми- нания.

Так, теперь ее самые толстые перчатки. Затем самые прочные полусапожки. Несколько монет в кармане. У нее была лишь одна шляпка, потому что Мэтью не видел ни- какого смысла или повода для издевки в шляпках. Так что ее шляпа была большая и с высокими полями. Придется набросить на нее капюшон, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Нет, капюшон не налезает. Тогда вообще без шляпы. Она взглянула на левую руку, на которой красовалась пара колец. Серена мрачно усмехнулась. Перстень с большим изумрудом и золотое обручальное кольцо. Она так

12 привыкла к ним, что совсем не замечала.

Когда Серена возвратилась сюда с Томом, то смотрела на эту жалкую комнатку — свою девичью — как на райское место, место, где ее ждала свобода. Ей казалось, что вернулись дни невинности и слишком короткой юности. Вольно же ей было дурачить саму себя. Пора прекращать это.

Сердце тревожно забилось, когда она выглянула в холодный полутемный коридор. Пусто. Женщина подошла к комнате Тома, скользнула в дверь, оставив ее приоткрытой. В случае чего она мгновенно услышит тяжелые шаги своего грузного брата.

Серена без сожалений обыскала все, обнаружив еще несколько гиней, решительно сунула в карман и золотую подделку, найденную в пыли за его тазом для умывания. Ни следа ее драгоценностей. Господи, где же они? Она в отчаянии еще раз прошлась по комнате, но не заметила никаких потайных местечек, а задерживаться дольше не посмела.

Таким же образом женщина навестила и комнату Вилла, где присвоила еще несколько монет. Теперь у нее было около десяти гиней.

Она судорожно всхлинула. Десять гиней, конечно, значительная сумма, но недостаточная, чтобы спасти ее от голодной смерти.

Но лучше смерть, чем такая жизнь. Неужели замужество намного хуже, чем смерть, засомневалась вдруг Серена. Похоже, она обрекает себя именно на смерть, совершая этот сумасшедший побег.

Серена поняла, что замешкалась в комнате, рискуя столкнуться с неприятностями. А всему виной были ее попытки разобраться в себе и найти хоть какой-то иной выход. Но его не было. Она заставила себя спуститься по лестнице, чтобы навсегда покинуть этот проклятый дом.

На полпути к черному входу Серена свернула в библиотеку. Братья имели обыкновение коротать здесь вечера, когда не играли на бегах. О, конечно, они и не помышляли брать в руки книги, боже упаси, они просто резались здесь в карты. Она мрачно усмехнулась, найдя еще одну гиней и еще одну крону на полу.

Это сокровище ясно говорило, что слуги здесь сегодня еще не убрали, но ей уже не было дела до

разленившихся слуг и прочих забот этого дома. Пора идти. Серена повернулась к двери и тут услышала тяжелые шаги.

Паника мгновенно охватила ее. Она подбежала к полкам и схватила первую попавшуюся книгу.

В библиотеку вошел Том.

— Опять с книжкой? — фыркнул он. — Не понимаю, как это Мэтью терпел такие глупости. Твоя красота просто поблекнет, сестричка, если ты будешь проводить весь день за книгами.

Серена захлопнула книжку, заложив пальцем какую-то страницу. Сердце бешено колотилось в груди. Он догадается. Он сразу поймет, что она задумала.

— Мэтью было абсолютно все равно, чем я занимаюсь в его отсутствие. А что касается моей красоты, то я буду лишь рада, когда она завянет.

— Ты бы лучше помолчала, Серри. Если бы ты не была красоткой, сводящей мужиков с ума, то и минуты не осталась бы в этом доме: я или вышвырнул бы тебя сразу, или пристроил в поломойки. Ты скоро и сама поймешь, что замужество гораздо лучшая участь. Кажется, старина Ривертон просто избаловал тебя.

Том подошел к ней и вырвал книжку.

— Что тут у тебя? Байрон? Китс?

Открыв книжку, он вдруг весело рассмеялся.

— Ох, Серри! Ну ты и штучка! Вошла во вкус, да? Отчего же тогда ты так упрямишься выйти замуж?

Серена со стыдом поняла, что схваченная ею книжонка была одной из порнографических пакостей, которыми так увлекались братья. А тут еще Том помахал перед ней иллюстрацией.

— Нравится, да? — спросил он, рассматривая скабрешную картинку.

Серена не могла сказать «нет», не вызвав подозрений, поэтому просто промолчала. Брат взглянул на ее покрасневшее от стыда лицо и покачал головой.

— Ты до сих пор краснеешь, надо же! Странная ты какая-то, Серри. Никак тебя не понять. Зато ясно, почему мужики так сходят по тебе с ума. Такая чопорная мисс, а тело и глаза проститутки. И как я теперь ви-

жу, мысли и мозги тоже, как у настоящей шлюхи. Что ж, это и будет твоим призванием, девочка. Проститутка! С твоей фигурой и походкой... Н-да! Да и выглядишь ты так, словно только что задала кому-то жару в постели.

Том снова оценивающе оглядел ее с ног до головы.

— Похоже, нам стоит расширить круг претендентов. Не очень многие захотят тебя в жены, но в любовницы... это совсем другое дело.

Брат ненадолго задумался.

— В качестве любовницы ты сможешь достичь самых невероятных высот в этой стране, подцепив графа, а может, даже герцога. А то, что ты не можешь родить, для проститутки воистину благословение Божие.

Серена по-прежнему стояла и молчала, а его слова просто отскакивали от ее сознания. Она ведь сбежит. Ничего этого с ней уже не случится.

Том сунул книжку ей в руки и погладил ее, изображая братскую нежность.

— За дело, сестренка! Изучай и дальше тонкости своего ремесла.

Захлопнув книжку, женщина заторопилась из библиотеки, сопровождаемая довольным хохотом брата. Выйдя во двор, она заставила себя идти спокойным, размеренным шагом, как бы прогуливаясь по ноябрьскому саду.

Но разум никак не мог успокоиться. С предельной ясностью, как никогда раньше, Серена осознала необходимость побега. И обдумывала шансы, а также как их улучшить.

Времени у нее хватало. Ни один из братьев не обедает ровно в полдень, а слуги не станут искать себе лишней работы. Так что существует вероятность, что ее не хватятся до самого вечера. А она за это время постарается унести ноги как можно дальше отсюда.

Однако Серена нисколько не сомневалась, что братья кинутся разыскивать ее. Она в конце концов стояла по их меркам хотя бы пятьсот фунтов. А то и все десять тысяч, если им удастся выдать ее замуж за Сила. Ведь в отчаянии и не на то решишься. Чтобы избежать ужасов борделя, она может и согласиться на этот жуткий брак.